

1.

В самом центре города Архангельска горит Вечный огонь. В короткие белёсые северные ночи пламя его, белое и жёлтое, тускловато помаргивает среди серого гранита и совсем почти не освещает прозрачную ширь серёдки северного лета. Разве можно осветить маленьким огнём бесконечную светлость белых ночей? В ту пору Вечный огонь заметен лишь вблизи.

Зато зимой холодной чёрной ночью огонь раздувается прилетающим с полуночных краёв северным холодным ветерком «Сиверко», который шквальной своей рванью расплёскивает пламя в разные стороны. И отблески огня прыгают по площади, залетают в окна окружающих домов, улетают далеко в небо и красят в розовый цвет падающие на город снежинки.

Рядом с Вечным огнём стоит странный памятник. Вряд ли кто-нибудь из российских граждан видал что-нибудь подобное в других городах мира. Это памятник гренландскому тюленю. Он словно бы только что вышел из Северной Двины, которая течёт за его спиной, прополз, опираясь на лапы, через пляжный песок и вскарабкался на высокий камень-постамент. Громадный, бронзовый, он поднял высоко голову и глядит с обелиска на город, на людей. Глядит внимательно, пронзительно и придиричливо. Он словно всматривается в лица горожан, в их сердца и задаёт вопрос: правильно ли он поступил, отдав за живущих в этом городе людей свою жизнь.

Многие, особенно приезжие, удивляются совсем не нужной с их точки зрения сентиментальности жителей Архангельска.

– Причём тут тюлень? Не лучше ли было поставить памятник собаке, кошке или оленю. Они много полезнее для человека, чем это ластоногое существо.

Люди просто не знают событий, происходивших, впрочем, совсем не в такие уж давние времена...

2.

Девочка Аня Матвеева приехала в заполярный город Мурманск на поезде. Стоял месяц март 1945 года. Война шла к завершению. Смертельный её вихрь, покружив над российским северо-западом, разме-

тав деревни, спалив леса, унёсся на Запад и крушил теперь города Польши и Германии, коверкал людские судьбы, оставляя после себя выжженную землю и незаживающие язвы неизбежного человеческого горя.

В разрушенный и малолюдный Мурманск Аня приехала через притихшую и обугленную Карелию. Город, раскиданный по чёрным, опалённым пожарами сопкам, всего полгода назад сотрясаясь от взрывов снарядов и бомб и теперь походил на погашенный гигантский костёр с ещё тёплыми, раскиданными по земле головёшками – недогоревшими остатками бывших человеческих жилищ. Ане показалось, что прямо через город проехал тяжёлый, гигантский каток. Проехал и раздавил всё, что жило в нём раньше.

На улицах, посыпанных углями и пеплом, почти не было людей. Только кое-где сновали, подгоняемые резкими командами охранников, безликие худые фигуры, одетые в серые лохмотья – силуэты немецких пленных. Разрушив город, теперь они его восстанавливали.

Но мурманский морской порт работал. Он снабжал возрождающийся город, корабли и воинские части всем необходимым, через него переправлялись в глубину России товары Ленд-лиза, отсюда уходили на рыбный и зверобойный промысел суда морского пароходства.

3.

Аня приехала с бригадой зверобоев. Ей самой, её маме и их родне – дедушке Илье стоило больших хлопот, чтобы она попала в эту бригаду. Входило в неё всего-то пятнадцать человек, а желающих участвовать в зверобойном отряде от деревни набралось человек двадцать пять. На колхозном собрании долго судили-рядили, привередливо обсуждали каждую кандидатуру. Это потому, что зверобой испокон веку хорошо зарабатывают, а всякая семья хочет, чтобы и в их дом пришла копейка.

– Почему эт Аньку зуйком посылать? – допытывались односельчане. – Лучше парня какого. У ей силёнок не хватит шкуры по льду таскать да туши. Парня надо!

Аня с мамой сидели среди односельчан, волновались. Мать рвалась выступить и сказать хоть пару слов, да понимала: бесполезное это занятие. И слушать не станут, знамо дело – мамка за дочку хлопочет. Хуже только будет. Но сказал веское слово дед Илья, уважаемый в деревне человек.

– Я вам так скажу, селяне, эта девка мужика хорошего стоит. Я в прошлом годе сиживал с ей на Никольской тоне, дак знаю. И на вёслах гребёт в погодушку, и кашеварит не хуже наших жёночек. Труженица она, надо брать её.

Сопротивлялись некоторые. Выступала Калинична, самая напористая деревенская крикунья:

– Ты, Илья, хоть и рыбак самолучший, а не прав ты! Родню свою ташпишь. А другим ведь тоже надо рублик да другой заработать.

Дед Илья был родным дядей Аниной матери – братом её отца, и крыть ему было нечем. Так бы, наверно, и заклевали девочку и не поехала бы она на зверобойку, но слово взял председатель колхоза Майзеров. А его мнение, чего уж там, самое авторитетное:

– Тут надо по-хорошему, по-человечески подойти. Все же знаем, что у Анны нашей Матвеевой год назад похоронка на отца пришла, и она, девочка эта, младших братишек своих вытягивает. Как взрослая женщина, работает в колхозе всё лето, во все каникулы. Мать у неё с туберкулезом – это всем известно, а Анна всего-то в седьмом классе, вы же знаете. Надо бы помочь семье этой.

Председатель, сидя в президиуме, опустил голову, спрятал покрасневшие глаза, помолчал. Потом рывком голову поднял и уже с улыбкой сказал притихшему залу:

– Кроме того, надо бы поддержать будущего нашего зоотехника. Матвеева Анна летом будет поступать в сельхозтехникум по нашей путёвке, а потом, значит, к нам и вернётся, в наш колхоз.

Все дружно захлопали, и Аню включили в бригаду, которая отправлялась на промысел гренландского тюленя в район Зимнего берега Белого моря.

4.

В мурманском порту бригада погрузилась на транспортное судно «Лена». Этот гигантский трофейный корабль на период тюленьей охоты специально переоборудовался для перевозки промысловиков, тюленьего сала, мяса и шкур. Один из трюмов предназначался для жизни в нём людей. Там стояли застеленные койки, тумбочки, столы. Питание в большой кают-компании организовывалось по очереди, побригадно.

Ане на судне понравилось. После деревенской обыденности, где на море плавают всего лишь карбасы, и всё давно уже кажется однообразным, здесь была другая жизнь. На палубе работали матросы. Они перематывали и перекаладывали канаты, приводили в порядок корабельный такелаж, шаркали по доскам длинными берёзовыми «голиками», смазывали мазутом чёрные стальные лебёдочные тросы. Аня стояла на палубе, прислонившись к борту. Ей было холодно, потому что корабль шёл по морю, а на море всегда ветра. Голова её была укутана в старый шерстяной платок, тельце прикрывал поношенный мамин свитер и выдавшая виды мамина же фуфайка. Холодный восточный ветер продувал насквозь всю эту одежду, но Ане совсем не хотелось спускаться в трюм. Ей нравилось разглядывать летящих за кораблём чаек и далёкий берег, тянущийся бесконечной неровной полосой за правым бортом. На нём, словно тупые зубья огромного чудища, высились полярные сопки, выкрашенные в белый и коричневый цвет. Между тёмным берегом и серосиним морем постоянной белой полосой пролегал прибрежный лёд. От него в море отплывали отколовшиеся льдины.словно белые пароходики, отправившиеся искать приходящую из-за синя-моря Красную весну. На некоторых таких пароходиках посиживали вальяжные пассажиры – тюлени. Они плыли на льдинах навстречу весне и грели свои толстые бока на солнышке.

5.

– Эй, ты чего тут зябнешь? Вот погрёшь, тогда будешь знать.

На трапе, ведущем к капитанскому мостику, стоял и улыбался всей своей веснушчатой физиономией какой-то молоденький морячок. Фуражка у него красовалась на голове набекрень, а козырёк закрывал правый глаз. Аня сразу решила, что так могут носить фуражки только хулиганы, хвастуны и вообще несерьёзные люди. И она ответила так, как и должна была ответить скромная деревенская девушка, отличница и комсомолка.

– А вам- то какое до меня дело? Хочу и стою.

– Да ты же в самом деле заболеешь. А впереди работа.

Аня понимала, что морячок прав, что давно пора идти в тепло, но не могла же она вот так сразу, по команде этого хвастунишки, взять и куда-то бежать. Она только фыркнула и отвернулась, стала смотреть на небо и на чаек.

– Ладно, – примирительно произнес морячок, – но комсомольцы должны умирать ради чего-то, например, за Родину. А просто так нельзя. Комсомольский устав это не разрешает.

– Откуда вы знаете, что я комсомолка?

– Сразу видно. Ты же ненормальная. Комсомольцы все такие.

– И вы тоже такой?

– И я. – Он поёжился и вдруг заявил. – Я, знаешь, чего решил? Буду стоять здесь, пока ты не уйдёшь с палубы в тепло. Умру вместе с тобой.

И он втянул голову в куртку, будто приоткрылся к самому худшему. Аня понимала: шутит, конечно. Потом морячок сказал:

– Мне как-то неудобно стоять рядом с тобой одетым, когда ты мёрзнешь. Хочешь, я отдам тебе свою куртку, она тёплая.

Быстрым и уверенным движением он сбросил с себя форменную куртку и набросил на Анины плечи.

– Так будет лучше, – сказал он.

Аня не знала, что и ответить. Всё это было впервые... Но парень явно не был нахалом.

– Вообще, – сказал он, – давай знакомиться. Меня зовут Михаил Плотников, я четвёртый помощник капитана, штурман.

– Чего-то я сомневаюсь, – сказала Аня, – такие молодые штурманы разве бывают?

– Ну, зачем мне врать? – стал серьёзно возражать Михаил. – Семь классов – это четырнадцать лет, затем мореходка три года, штурманский факультет – это семнадцать. Я год как работаю четвёртым штурманом, и мне сейчас восемнадцать. Всё реально.

В Ане шевельнулось какое-то чувство, похожее на уважение к этому веснушчатому парню с лихой фуражкой на голове.

– А меня зовут Аня Матвеева. Я учусь в седьмом классе.

– Наверно, отличница?

– Есть такое дело, но я этим не горжусь, просто так получается.

– Как же тебя отпустили на зверобойку? Уроки же идут.

– Ничего, я наверстаю, директор отпустила. У меня мама болеет, работать не может.

– Отец на фронте?

– Папа погиб год назад на Карельском фронте.

Плотников покачал головой, помолчал. Он спустился по ступенькам на палубу, решительно взял Аню за руку и повёл по лестнице вверх. Она не понимала, куда и зачем её ведут, сопротивлялась.

– Слушай ты, комсомолка, голоднющая небось, замёрзла совсем и ещё упирается. Давай двигай! Мы тебя хоть отогреем немного.

Он привел её в командную рубку, где находился капитан и его старший помощник. Там Аню накормили американской тушёнкой и напоили чаем с печеньем. Тушёнку Аня никогда в жизни не ела, и она показалась ей невероятно вкусной. Потом ей дали корабельный бинокль, и она долго разглядывала море, расстелившееся по бескрайним просторам вокруг корабля, небо и облака, летящих над водой чаек, белые льдины на тёмно-синей и свинцово-серой воде, далёкий берег... Близость дальних предметов потрясла Аню, и она всё глядела и глядела в прохладные окуляры. А четвёртый штурман Плотников стоял рядом и подсказывал, как надо пользоваться оптическим прибором по названию бинокль.

Когда прошли опасное ледяное поле, капитан отдал штурвал старшему помощнику и долго беседовал с Аней о деревне, о колхозе, о поморской жизни. У него самого осталась дочка в Архангельске, он её редко видел, потому что всё время был в море и сильно по ней скучал.

Плотников не хотел уходить из рубки, но капитан его прогнал. У четвёртого помощника было много обязанностей в корабельном хозяйстве. Аня, разморенная едой, теплом, добрым разговором с капитаном, уставшая от дороги и впечатлений сегодняшнего дня, уснула прямо в кресле. Капитан отнёс её на руках на топчан, стоящий в углу рубки и накрыл своей шинелью.

Так она провела первую свою ночь на зверобойном промысле.

6.

Ранним утром следующего дня транспортное судно «Лена», ведомое ледоколом «Капитан Мелехов», преодолело горло Белого моря и вошло в морскую акваторию. Лежал недолгий путь к лёжкам гренландского тюленя, испокон веку расположенных в одних и тех же местах – напротив

Зимнего берега Белого моря. Этот коренной полярный житель – гренландский тюлень извечно живёт в холодных водах северных морей и Ледовитого океана. Из-за лютых штормов, разбивающих любые льды, там невозможно продолжать потомство, выращивать детёнышей – их убьёт океан. Поэтому Белое море, более спокойное и мелкое, загороженное со всех сторон сушей, гренландские тюлени рассматривают в качестве родильного дома для своих детёнышей и собираются здесь каждую весну, чтобы продолжить свой тюлений род. Кроме того, в Белом море очень долго не тают ледяные поля. На их кромках около самой воды самкам удобно рожать тюленят и нянчить их первое время. Потом тюленята очень быстро растут и становятся самостоятельными. Рядом с самками всегда много взрослых самцов. Они почему-то воюют друг с другом и постоянно дерутся. Так создаются лёжки – места скопления тюленей.

Судно «Лена» пришвартовалось прямо к ледяной кромке на краю огромного ледяного поля, упирающегося дальним своим концом прямо в Зимний берег. Примерно в километре от места швартовки вдоль края льда чернела толстая полоса тюленьей лёжки.

Все шесть бригад зверобоев, представителей колхозов беломорских берегов, каждая по двенадцать-пятнадцать человек, сошли на лёд.

Бригадир от колхоза «Промысловик» Пётр Зосимов по-военному построил своих, разделил на группы и проинструктировал. Сержант в отставке, на войне он был тяжело ранен осколками мины в лицо и в лёгкое и поэтому с трудом выговаривал слова, задыхался.

– Задачи у нас простые, – сказал он, – добыть и сдать на транспортное судно как можно больше морского зверя. От этого зависит общий заработок. Устраиваем соревнование: стрелок, занявший первое место, сверх зарплаты получает премию, равную заработку. Кто окажется на последнем месте, тот в следующий сезон на зверобойку не поедет. Всем понятно?

– Поня-ятно, – заголосили зверобои.

– Имейте также в виду, что среди колхозных бригад организовано социалистическое соревнование. Лучшие будут отмечены грамотами профсоюза области. Это большая честь. Надо бы побороться, товарищи, за эту высокую награду. Согласны?

– Со-о-гласны! – прогудела бригада, и все пошли по своим местам.

7.

Стрелки от колхозных бригад заняли выделенные им секторы и пошли вперёд к тюленьей лёжке. Все они были вооружены трехлинейными винтовками системы Мосина калибра 7,62 мм и тяжёлыми дубинами. Приблизившись к лёжбищу метров на двести, они сбавили ход, а затем пошли вовсе внаклонку, крадучись. Шли так, пока наблюдавшие за ними самцы не стали один за другим скользить по снегу и нырять со льда в море. До стаи оставалось 50-60 метров. Стрелки все как один попадали на лёд, подползли к ближайшим ледяным ропакам и, положив на ледяные выступы свои винтовки, открыли по тюленям бешеную стрельбу.

Стреляли не по головам, а по силуэтам. Так надёжнее: легче прицеливаться, а разрывная пуля, выпущенная из мосинской трёхлинейки, обладает страшной начальной скоростью и, попав даже просто в корпус, не оставляет шансов на выживание.

Отстреляв по двадцать патронов (по четыре обоймы), стрелки поднялись, подхватили винтовки и дубины и побежали к тюленьему стаду. Основная часть тюленей была неподвижна. Звери лежали, уткнув морды в окровавленный снег, некоторые валялись на боку, безвольно опустив на живот лапы и откинув назад головы. Часть билась в предсмертных судорогах, и стрелки к ним не подходили: зачем тратить патроны и силы, если зверь сам скоро успокоится.

Но многие тюлени с окровавленными боками, раненные, но ещё живые, кидались с окровавленными разъярёнными пастями, полными

острых клыкастых зубов, на людей, и стрелки или убивали их в упор из винтовок, или глушили дубинами.

Забой гренландских тюленей – дело очень кровавое. Стрелки шаг за шагом продвигались вперёд среди мёртвых тюленьих туш, не оставляя за собой ничего живого. Под ноги им часто попадались тюленьи детёныши – бельки, доверчивые, любознательные, одетые в белоснежные шкурки с чёрными бусинками глаз. Но на этой зверобойной кампании плана по их добыче и сдаче не было, и стрелки не обращали на них внимания, а уж совсем докучливых просто отпинавали в стороны.

Но лёжка гренландского тюленя и широкая, и длинная. Она протянулась вдоль морской кромки на километры. И вот группа других стрелков, «отработавших» свою территорию, обходит справа и идёт вперёд к ещё не отстрелянному зверю. И там начинается новая бойня. Посреди ослепительно белого снега в красных от крови полыньях лежат туши убитых и раненых тюленей, и растекаются от них кровавые ручейки, раскрашивая новую снежную белизну в ярко-алый цвет.

Повсюду ходят люди с дубинами и винтовками, и над всем ледяным пространством далеко вширь и высоко в небо разносится предсмертный рёв убиваемых людьми животных.

Сразу за стрелками идут и принимаются за свою работу обелевщики, свежеватели тюленьих туш. Каждый подходит к убитому зверю и своим острым ножичком разделяет его на две части – на шкуру с приросшим к ней толстым слоем жира и на мясо. И уж потом в работу включаются волочильщики. Их задача – подтащить мясо и шкуры к месту погрузки на транспортное судно.

Те и другие ходят по красной жиже – по насыщенному кровью снегу.

8.

Аня ещё в деревне была назначена волочильщицей. Ей, как и другим, выдали стальные крючья. Здесь в обиходе их называли гаками. Вообще Аня скоро убедилась, что в зверобойном деле много специальных терминов, странных, словно иноземных, слов. Здесь тюленьи лапы называют катарами, ледяные торосы именуют ропаками, а стальной трос – это финш. Здесь тюленью тушу называют рауком, ошкуривание тюленя – обелёвкой, а о родах самки тюленя говорят – утельга ощенилась. Аня недоумевала: тюленята – это же не щенки. Почему тогда «ощенилась»?

Она уже стояла на льду вместе с другими волочильщиками, крутила в руках свой тяжёлый гак, примерялась, как станет подцеплять им шкуры убитых тюленей, как будет тащить их по льду.

Её окликнула ледокольная повариха Варвара, с которой они познакомились в Мурманске. Оказалось, что та давно работает на судне, знает многих поморских рыбаков и зверобоев. Знала она и отца Анны: тот не однажды бывал на тюленьем промысле до войны. Искренне опечалилась, когда узнала, что хороший человек погиб.

– Анечка, погоди маленько, я тебе сказать хочу. – И побежала по трапу к ней. Подошла без накидки, без телогрейки, в одной кофтёнке, мороз ей не мороз. Голова в тоненьком платочке. Отвела за локоток в сторону. – Предупредить хочу тебя, девка. Сейчас ты много кровушки увидишь. Сможешь-нет выдержать такое? Дело-то страшно. Бывает, что которы и не выдерживают, назад убегают. Девки-то молоды особенно. Сидят потом в уголке, глаза прячут.

И она, наклонившись вперед, выгнула голову, вытаращила глаза, рассматривая Анино лицо. Аня съежилась, она уже слыхала и в деревне, и на судне о том, что картина будет тяжёлая. Но куда ей было деваться? Какими глазами придётся смотреть на голодную семью, если она не привезёт хоть немного денег? Она приехала на заработки, а деньги – это она хорошо знала с самого измальства – никто в карманы просто так не накладывает. Их все тяжким трудом зарабатывают.

– Я постараюсь, – сказала она просто и посмотрела поварихе в глаза, – мне надо денег домой привезти, у меня семья дома голодает. Куда мне теперь бежать отсюда? Я, тетя Варя, видала, как овцу соседи резали. Не умерла же со страху, и сейчас, наверно, тоже не помру.

– Сравнила тоже, овцу-у, – едко передразнила повариха. – Тут не одна овца, там страхи Божии, что учиняется, по кровушке вышагивать будешь, дева. Видала я это дело коегодни... Форменны страхи Божии.

Она совсем скукожилась от холода, тяжело подпрыгнула пару раз на скрипучем снегу, заторопилась обратно в корабельное тепло.

– Ладно, девка, прозябла я чево-то, пойду-ко я.

Варвара резко развернулась, шагнула к ледакольному трапу, остановилась, повернулась опять к ней со скрещёнными на груди руками, озыбшая, со сморщенным лицом.

– Жалко мне тебя, Анька. Вот ведь как тебе приходится, сиротинке. Держись уж как-нибудь Христа ради.

Скрюченная, вдруг сторбившаяся то ли от холода, то ли от жалости, она шла по трапу наверх. Что-то вытирала ладонью на своём лице.

9.

Увиденное потрясло её. И она подумала: это белое поле в огромных кривых пятнах красного цвета, лужи крови с лежащими посреди них тушами тюленей, кучи из мяса, тюленьих внутренностей и лежащие повсеместно жёлтые пласты снятых шкур, ещё дымящихся, будет приходиться к ней во сне теперь постоянно, всю жизнь. Хмурые, деловые лица мужиков, несущих в руках окровавленные ножи, переходящих от туши к туше...

Аня отвернулась от этой чудовищной картины, подошла к ближайшему ледяному ропаку и тяжело на него села, наклонилась. Её рвало на лёд, она никак не могла откашляться.

Подошёл бригадир Зосимов, сел рядом, обнял за плечи.

– Некогда нам с тобой расслаивать, Анна, надо план выполнять. Нельзя колхоз подводить.

И заторопился куда-то, ушёл.

Анна Матвеева встала и пошла работать. У неё не было возможности опустить руки и уйти куда-нибудь от этого страшного места. Дома её ждала семья, находящаяся в беде.

10.

Любая поморская девочка, привыкшая к тяготам быта, к суровым условиям жизни на Севере, быстро ко всему приноравливается. На Аню обрушилось так много работы, что ей некогда было лить девичьи слёзки. Поначалу она боялась оглядываться по сторонам, страшилась наступить ногой на что-нибудь мягкое и скользкое, но жизнь заставила привыкнуть к новой обстановке. Надо было выполнять план! Работа у Ани Матвеевой несложная, но тяжёлая. Главная хитрость заключалась в том, чтобы среди ропаков и спящих туда-сюда людей выследить, не потерять обелёвщика: рядом с ним шкуры и туши, которые надо было подтащить к общим кучам всей бригады, к кромке льда, где стояло судно. Выход нашёл бригадир Зосимов. Раздобыли где-то красную материю и нитками закрепили красные полосы на шапках обелёвщиков своей бригады. Теперь их было видно издалека, бригада напоминала боевой партизанский отряд.

Аня приноравилась работать с обелёвщиком Леонидом Петровым. Молодой хватистый парень был чем-то вроде автомата. Он со своим шкерочным ножичком подбегал к только что подстреленному тюленю и полосовал его за несколько минут. И как будто не мерзли у него руки, и не брала усталость. А лицо Леонида горело под стать красной повязке на шапке – такое же алое. От мороза, от азарта работы и просто от здорovia.

– Аню-ютка! – кричал он всякий раз радостно, когда очерёдная ноша была готова, и махал обеими руками, и ножик в его правой руке сверкал на солнышке так же радостно.

Видно было, что Аня Матвеева ему нравилась, и она это понимала. Просто понимала – и всё. В своей непростой жизни ей было некогда думать о чём-то постороннем, кроме учёбы, о младших братьях и о матери, которые нуждались в её помощи. Кроме того, Леонид был женат. Совсем недавно он сыграл свадьбу с хорошей деревенской девушкой Зиной Худяковой. Просто ветер у него в голове, у Леонида, не нагулялся, вот и всё. Но сейчас была зверобойка и обелёвщик Петров радовался встречам с Аней Матвеевой, учил её правильно таскать по льду рауков – тюленьи туши и шкуры. Иногда он распрямлял молодое гибкое тело, весело глядел ей в лицо и сокрушённо выговаривал:

– Вот дурак я, дурак! Рано женился. Надо было тебя подождать.

И неясно было, шутит Леонид, или нет. Аня смеялась в ответ и старалась поскорее уйти подальше от этих шуточек.

11.

На другой же день зверобойки на свидание с Аней с «Лены» удрал четвёртый помощник Плотников. Он подарил ей свои тёплые рукавицы, обшитые с внешней стороны брезентом.

– Это тебе на долгую память. Носи на здоровье, чтобы больше не замерзала. – Лицо его в крупных веснушках было слегка обожжено весенним солнышком и крепко разругалось.

Аня ему тоже обрадовалась. Сама не понимала – почему. Она до сих пор старалась не обращать внимания на мальчишек и взрослых ребят тоже. Все они казались ей придурками, с которыми и разговаривать-то не о чем. А тут обрадовалась.

– Можно, я тебе помогу маленько? – спросил он, сверкая восторженными глазами и поправляя рукава какой-то задрипанной куртки явно не со своего плеча. Аня хотела было поинтересоваться, откуда такая странная одежда, но Михаил вопрос опередил:

– Это я для маскировки надел, чтобы меня капитан не нашёл.

– Можно, конечно можно, – отвечала Аня, пряча глаза и слегка отворачиваясь. Она хотела скрыть от Миши Плотникова свою радостную улыбку и своё смущение.

Потом они вдвоём таскали по льду шкуры, держась за один крюк. И Миша Плотников о чём-то весёлом болтал... Аня ему поддакивала, открыто улыбалась. Им хорошо работалось вдвоём.

Капитан судна тем временем потерял своего четвёртого помощника, но быстро нашёл, догадавшись, где он может быть. Капитан взял медный мегафон и гаркнул в адрес Плотникова такие нужные слова, что того как ветром сдуло из зосимовской бригады. Всё же, убегая, он попросил Аню выйти вечером на палубу.

И она вышла. И они опять пили чай в кают-компании. И опять долго болтали. А когда прощались на палубе, Аня вдыхала всей грудью морозный морской воздух, вглядывалась в тёмное пространство ледяного поля и невольно думала о том, что в этой холодной темени на снегу ползают незащитные, одинокие тюленьи детёныши – бельки, плачут, как маленькие щенята, и разыскивают своих матерей. И не могут найти, потому что их отняли у них люди. Такие мысли будоражили теперь и просто терзали её сердце, и она, как и эти маленькие тюленята, была незащитна перед своими думами.

12.

Трагедия самки гренландского тюленя – утельги заключается в том, что она ни в коем случае не может бросить своего детёныша. Даже когда ей самой грозит смертельная опасность. Если на её маленькое дитё посягает посторонний тюлень, она с лютым рёвом бросается на обидчи-

ка и терзает его острыми зубами, пока тот не сдастся, не отступит. Когда к детенышу или к ней самой подходит человек, утельга до последней минуты будет защищать себя и своё чадо, но не отступит, не убежит к спасительной морской кромке. Самка гренландского тюленя – раба и жертва материнского инстинкта, который люди называют материнской любовью.

В этом и заключается особенность промысла морского зверя на тюленьих лёжках. В то время как самец при первых выстрелах промысловиков, при первой же опасности бросает своих самок и детёнышей и убегает со льда в море, утельга не может покинуть своего ребёнка. Она остаётся с ним рядом до конца и поэтому – она лёгкая добыча. Вот простая и неминуемая правда – среди убитых на зверобойных промыслах гренландских тюленей практически нет самцов. Это всё утельги.

Мясо и сало её спасли в военное время от голодной смерти города Архангельск, Северодвинск и во многом – блокадный Ленинград. Тот памятник в центре Архангельска стоит не зря. Это памятник Утельге. Это памятник всем тюленьим матерям, погибшим за то, чтобы жили люди. Их были многие сотни тысяч.

13.

Работа на льду продолжалась четверо суток. Это был срок фрахтовки поморскими колхозами транспортного судна «Лена» и ледокола «Капитан Мелехов». На больший срок эти суда не могли оставаться в распоряжении колхозов. У них было много других задач в акватории северных морей.

Вот и промелькнул последний рабочий день. Наступил последний вечер зверобойного промысла. Началась погрузка использовавшегося оборудования, саней, винтовок, топоров, верёвок. Каждый проверял своё хозяйство, всё ли поднято на судно, не забыто ли чего. Аня проверила всё – и своё, и чужое, она стояла на льду возле трапа, глядела на снующих туда-сюда людей, на огромный корабль. Уже под самый конец сборов бригадир Зосимов мимоходом сказал ей:

– Сбегай-ко, Аня, в бригадный урез. Чего-то у меня душа болит, всё ли мы там собрали?

В бригадный урез – значит в дальний конец выделенного бригаде участка. Сказал, а сам аж трясётся весь, зубы у него колотятся. Стуко-ток стоит такой, что и Ане слышно. Простыл он вчера крепко: пропотел в работе, а потом продрог, так уж получилось, и теперь его всего корёжит. Видно, что надо бы ему в тепле побыть да отогреться, а как тут уйдёшь со льда, когда сборы и за всем нужен пригляд. И Аня побежала. А Зосимова окликнул с борта «Лены» боцман Новоселов – хлопотливый человек, которому до всего есть дело. Он Петра заметил в работе и уважал.

– Петруша, а чего ты не в себе как будто? Белый весь и качает тебя. Не прихворнул случаем?

Зосимов только махнул рукой и признался:

– Худо мне в самом деле. Простыл вчерась. Скорей бы дело закончить, на ногах еле стою...

– Ты, едри это, чево? Ты геройство своё брось показывать, не удивишь им никого. Один недавно так же выказывал тут, помер на обратном пути в дороге, гортань у него замёрзла вся, не откачали. Так же хочешь?

Боцман, держась за круглую окантовку борта, потоптался, повертел головой туда-сюда, видно размышлял, отважиться ли ему на решительный шаг, потом всё же отважился, дёрнул головой и приказал:

– Давай-ко ты, Петя, шагай сюда ко мне. Я тебя лечить сейчас буду, быстро вылечу.

– Да у меня пока тут заболушка есть, всех обрядить бы надо.

– Уже обряжены все. Сам не видишь? Отходим через час. Сборов-то

и не осталось уж. Сам на ногах не стоит, а тоже ему надо думать за всех, обряжалщик, едри тя.

И он проводил Зосимова в свою каюту. Там заставил выпить стакан едва разбавленного спирта. Считаю, без закуски, только кусочек хлеба и дал. Уставшего, израненного на войне, задёрганного в хлопотах, полуголодного, ослабленного сильной простудой Петра Зосимова от такой дозы крепко развезло. Так сильно, что он уснул мертвецким сном прямо в каюте боцмана.

Через пару часов Новосёлов кое-как его разбудил и помог добраться до своей койки в трюме. Боцману ведь тоже надо было отдохнуть после трудового дня. А Зосимов упал на свою койку и ушёл в болезненное забытьё.

14.

Разве это расстояние – километр туда да километр обратно? Снега на льду уже почти нет, его выело не жаркое мартовское солнце. Под ногами плотный и гулкий лёд. Туда-сюда можно обернуться за двадцать минут.

Прибежав к дальней границе участка, Аня обомлела: вдоль всей трёхсотметровой кромки моря повсеместно лежали тюленьи шкуры. Туш не было, а вот шкуры лежали. Вероятно, волочильщики, справившись с тушами, просто отвлеклись на другие дела и позабыли о них. Рядить кто прав, кто виноват было некогда. Надо срочно сволочить эти шкуры в одно место, в кучу, и начать переправлять их на судно. А там подключится вся бригада. Нельзя же бросить такое богатство. И Аня взялась за дело. В первую очередь пошли в ход шкуры, лежащие подальше. И надо было делать всё быстро, ведь она может подвести не только свою бригаду, но и все колхозы, и капитана, такого доброго к ней человека.

Но перетащив бегом по льду первые пять шкур, она поняла, что уже сильно устала. Ладно, ещё надо бы пять, и она отдохнёт. Вот, наконец, она присела немного отдышаться. Но почти сразу вскочила: сколько можно отдыхать, у корабля всё расписано по часам, его нельзя подводить! И Аня опять бросилась таскать тяжёлые тюленьи шубы с толстым слоем сала, пока совсем не выбилась из сил.

«Ладно, я чуточку отдохну, совсем чуточку и пойду звать людей. Только чуточку...»

Силы совсем её оставили. Кое-как, с трудом унимая дрожь в локтях, она подцепила крюком одну из шкур за край, протянула её так, чтобы шкура лежала мехом кверху, и упала на нее. И потеряла сознание. Она очень устала, ученица седьмого класса Анна Матвеева.

15.

Две недели назад, в начале марта, самка гренландского тюленя Утельга родила двоих малышей. Она одиннадцать с половиной месяцев готовилась к этому событию. Жившие в ней зародыши всё это время купались вместе с ней в водах Карского, Баренцева и Печерского морей, гонялись за косяками сайки, трески, мойвы и сельди около побережий Шпицбергена, Новой Земли и Земли Франца-Иосифа. Утельга набирала жир, который потребуется ей для рождения и вскармливания детей, для последующего сразу за этим нового принятия в себя зародыша, для начала очередного этапа материнства длиной в одиннадцать с половиной месяцев.

В начале марта Утельга вместе со своим самцом выбралась из воды на льдину, где собиралась колония из множества тюленей. На этом месте вековечно, из года в год, из столетия в столетие живёт гигантский «родильный дом», численностью в сотни тысяч голов. Над «родильным домом» с февраля по апрель гремит рёв самцов, дерущихся друг с другом, грозный рык самок, защищающих своих детёнышей, жалостливое повизгивание тюленят, схожее с плачем щенят, потерявших свою мамку.

Утельга выбрала место для своей лёжки в заветерье от северного ветра – под наклонённой глыбой широкого ропака. Она несколько раз переваливалась с боку на бок, приминала снег, чтобы будущий её ребёнок не запутался в рыхлой замяти, не задохнулся.

Ей не пришлось долго ждать своих родов. Спустя пару часов она уже облизывала мордочки двух сыночков. Их запах совпадал с её собственным запахом, и она узнала бы своих детей среди миллионов других щенков.

Самка гренландского тюленя редко рождает двух детёнышей. Как правило, рядом с ней только один. Но сейчас их было двое. И как только Утельга сорвала с них прозрачные родовые плёночки, сыночки её, одетые в розовые шубки, поползли к ней под брюхо искать молочные соски. Их мамка повернулась на бок, откинула с помехи свои лапы, и щенятки быстро нашли то, что требовалось. Чмокая и урча, они бойко и деловито принялись сосать жирное тюленьё молоко. А Утельга лежала на боку и жмурила глаза. Самец её лежал поодаль, ревниво поглядывал на свою самку и тревожно порывивал во все стороны. Наверно, остерегался, чтобы другие самцы не напали и не разрушили его семью.

Детеныши росли быстро. Утроенные жизненные силы им даёт необычайно жирное и питательное тюленьё молоко. Уже вскоре с трудом ползающие «зеленцы» превратились в крепеньких белоснежных тугих бочоночков – бельков, которые начали заводить друг с другом и со своей мамой Утельгой боевые игры.

Дети были совершенно белоснежны, как и подобает всем белькам, но у одного из них над чёрным глазом выделялось серое пятнышко. Как будто на лбу у сыночка темнел ещё один глаз. Утельга языком пыталась слизнуть эту тёмную точку. Но точка оставалась там, где и была.

Скоро Утельга повинуюсь древнему инстинкту, должна была покинуть своих детей и начать новую игру с самцом. Природа требовала, чтобы она зачала в себе новую жизнь и снова стала матерью.

На льдине, рядом с кромкой бесконечно синего моря лежала со своими детёнышами Утельга – самка гренландского тюленя. Входило над ней солнышко, разгорался и угасал закат, и висел над головой огромный чёрный небесный купол, утыканный хрусталиками ярких звёздочек. Трескались где-то льдины, и грохот этот пролетал над её головой, уносился к горизонту и исчезал в морской дали. Иногда матери надоело лежать без движения, и она отползала от своих щенков, двигалась к находящейся рядом морской кромке. Там наклоняла голову в воду и соскальзывала со льда в привычную для себя глубину. В погоне за быстрой сайкой она резвилась в родной стихии. Но это не могло продолжаться слишком долго, и Утельга возвращалась на лёд, где её ждали дети.

Иногда она приносила своим белькам из морских глубин каких-нибудь рыбок и стелила их перед их мордочками. Смотрите, детки мои, каких вкусных селёдочек принесла вам ваша мама из морской глубины, – как бы говорила она. Но детки на ту пору ещё не кушали рыбу. Они предпочитали мамино молочко. С принесённой рыбой они играли. Наигравшись, детёныши опять сосали материнское молоко и снова лежали с двух сторон от неё прижавшись к тёплым бокам, слабо при этом похоркивая и посвистывая во сне.

16.

Однажды утром дремлющую с детёнышами Утельгу и лежащего рядом Лысуна – её самца разбудили звуки выстрелов и гортанно булькающие, всегда страшные для тюленей голоса людей – их извечных врагов. Её самец рывкнул и, подпрыгивая на сильных лапах, умчался к морской кромке. Раздался громкий всплеск. Это Лысун шлёпнулся в воду и исчез в глубине. Утельга не сдвинулась со своей лёжки. Пока её ребенок не наберёт достаточный вес, чтобы начать самостоятельную жизнь и самому

добывать себе корм, она будет находиться рядом с ним, какая бы беда не грозила.

У Утельги было два детеныша, и когда пришла к ней смертельная опасность, она их не бросила. Грохот выстрелов всё ближе и ближе. И когда человеческие шаги зазвучали совсем близко, Утельга высоко подняла голову. К ней шёл коренастый человек с равнодушным красным лицом. Он нёс в руках какие-то длинные предметы. Утельга поняла, что её детям грозит смертельная опасность. Она приподнялась на ластах и ринулась на врага с оскаленной пастью, чтобы защитить своих детей. Коренастый человек выругался и, почти не целясь, привычно, из-под локтя выстрелил Утельге в голову.

Человек выполнял обычную свою, рутинную работу. За ним шёл облезлик. Для него это была тоже самая обычная тюленья туша, которую надо было разделить на три положенных части. Он уже сбился со счёта, которая на сегодняшний день. Кажется, где-то из третьего десятка.

Два маленьких белька лежали поодаль и смотрели на людей чёрными маслинками широко открытых глаз.

17.

Стояла северная мартовская ночь, морозная и звёздная. Ледокол «Капитан Мелехов» шёл полным ходом курсом на Архангельск. Толстым и упрямым своим корпусом он проламывал смёрзшуюся за холодную ночь шугу, долбил и отгонял прочь плавающие тут и там льдины. Ледокол расчищал путь транспортному судну «Лена», следующему в кильватере. Транспорт – крупнотоннажный трофейный корабль – был огромен, тяжёл был и груз, лежащий в трюмах, но мощные немецкие дизеля давали хороший ход. И всё шло по графику. В девять часов утра следующего дня «Лена» должна доставить свой груз в порт «Экономия» Архангельского пароходства.

Пассажиры «Лены» – зверобои из поморских деревень долго не спали. Все обсуждали удачный промысел, выполнение планового задания. Все были довольны, что не подвели свои деревни. Будет прибыль в домах.

Русский мужичок не может без заначки. И вот стали из пестерьков, из мешочков доставаться сокровенные припасы: у кого бражка, у кого невесть что намешанное, но тоже с градусами, а у кого-то припрятана для такого случая золотая бутылочка драгоценной водочки.

– И-и, эх-х! – зазвенели песенки да прибауточки. Народ пережил тяжёлые военные времена. Многие из этих мужичков – раненные да покалеченные, списанные с войны по причине военной негодности, а в основном пожилые все люди, для которых прошел срок воевать. Но сейчас на этом судне их всех объединила удача хорошей добычи.

А женщины спали. Скажите, кто может быть практичнее русской женщины? Ни в жизни не найдёте! И если выпадает хоть одна минутка, свободная от детей, мужа или работы, русская женщина вмиг засыпает.

18.

Аня открыла глаза. Её бил тяжелейший озноб. Всё тело пронизывала ледяная дрожь. Мертвящий холод проник в каждую клеточку тела, лежащего на льду посреди морозной ночи, и оно перестало слушаться её. Тряслись ноги и руки, громкой барабанной дробью стучали зубы. Замёрз язык и холодил рот неподвижной льдинкой.

«Надо двигаться! Иначе я умру! Надо попытаться встать!»

И она начала подниматься. Но не хватило сил оторвать плечи от лежащей на льду шкуры. Ей стало страшно. Постаралась взять себя в руки. Поморская девочка слышала сотни историй о том, как люди погибали из-за того, что не смогли совладать со страхом, будь то на море, на льду или в лесу. «За свою жизнь надо бороться до конца» – так учил её отец. То же говаривали опытные люди, бывавшие в разных переделках.

– Со страхом в море не суйся, – судят поморы, – он тебя в глубь утянет!

Аня полежала, собралась с силами и стала раскачивать, приподнимать попеременно плечи ото льда. Тело стало совсем чужим, и каждое движение давалось с напряжением всех сил. Затем рывком перевалилась на бок и поджала, подтянула к животу колени. Из этого положения ей легче было встать на четвереньки, а потом попытаться поднять во весь рост.

На четвереньки она встала, покачала перед собой трясущиеся руки и поняла, что совсем не чувствует ни ладоней, ни пальцев. Их будто не было совсем. Аня стукнула кистями рук друг о друга, но ничего не почувствовала. Руки стали совсем чужими, будто деревянными.

Но ей надо, во что бы то ни стало надо начать шагать, чтобы согреться.

Анна всё же поднялась на ноги, попыталась сделать шаг. Но шагнула с превеликим трудом, потому что ноги её совсем не слушались. Качаясь из стороны в сторону, она сделала ещё два шага по окровавленному ледяному полю, но не устояла и упала на бок, ударившись плечом и головой о лёд. Впала на секунду в забытие, немного полежала, но скоро взяла себя в руки. Она осознала, что здесь, на голом льду, оставаться долго нельзя, что тут она замёрзнет. Тогда, собрав остаток сил, поднялась на колени и, опираясь на трясущиеся непослушные руки, кое-как доползла до спасительной шкуры. Встала на коленях на её край, потом повалилась набок и, наконец, тяжело перевалилась на спину. Аня понимала: так она сохранит в своём теле хоть на чуточку, но всё же больше тепла. И ещё она поняла, что этой своей попыткой встать на ноги она потеряла последние силы. Тело её не двигалось, только судорожно тряслось от мертвящего холода. Одежда, мокрая от изнурительной работы, лежала на ней мёрзлой коркой и совсем не согревала. Ноги были обуты в бахилки, совсем новые, старательно смастерённые дедушкой Ильей из хорошей кожи. Но и они за прошедший в беготне день по сырому льду тоже насквозь промокли и промёрзли и сейчас стягивали ноги, как тяжёлые колоды.

Она знала, что рядом нет людей. Никто за ней не пришёл, даже бригадир, который её сюда направил. Наверно, что-то случилось. Не могли же её бросить односельчане, хорошие все люди. Что-то случилось...

Кругом только ночь, мертвящие сполохи холодного северного сияния и ещё мороз, сковавший тело. И одиночество посреди жуткого мерцающего света...

Её клонило ко сну. Она лежала лицом вверх и глядела на звёзды. Раньше она любила их разглядывать, знала, где Малая и Большая Медведицы, где Полярная Звезда. Сейчас Полярная Звезда висела прямо над ней и мерцала ярким равнодушным мертвящим светом.

Аня Матвеева умирала, и маленькому беззащитному её сердцу оставалось стучать совсем не долго.

19.

Четвёртый помощник капитана Михаил Плотников спустился в пассажирский трюм и растерянно начал шарить между коек. Он не дождался на палубе Аню Матвееву, потерял терпение и пошёл её искать. Он не мог поверить, что девушка, которая так ему понравилась, и которой он вроде бы тоже стал небезразличен, вдруг без объяснения причин не захотела с ним зняться. Ведь он не дал для этого никакого повода.

Он уже знал, где расположена койка Ани, но девушки там не обнаружил. Где же она и с кем?

– Эй, где Анна Матвеева из колхоза «Промысловик»?

Люди стали просыпаться и недовольничать. А обелёвщица Парасья Житникова, крепкая и грузноватая женщина, с которой Михаил уже успел познакомиться, села на койку в длинной толстой сорочке:

– Капитан, ты чё тут орёшь? Людей будишь.

– Публика, вы чего, охренели? Где Анна Матвеева из вашей бригады? – продолжал кричать Плотников.

– Как это – где? – Парасья начала просыпаться. – Она с тобой должна быть. Болтаете вы с ей допоздна каждый вечер, знаю дело.

– Вот я здесь перед вами. А где Анна?

Проснулись все. В самом деле, где она, Анна? Где? Народ заволновался.

– Да где она может быть? С нами же была. Все её видели.

– Когда была?

И вот на этот вопрос толком не ответил никто. Все вдруг осознали: последний раз видели её на льду. Бригадира Зосимова пришлось долго расталкивать. Он сидел, тряс головой и, наконец, вспомнил:

– Дак я же посылал её на край участка проверить – не осталось ли там чего не прибранного. – Он округлил глаза, перекошенное, израненное лицо его задёргалось в нервном тике. В глазах вспыхнул ужас. – Разве она не вернулась?

И склонил резко голову, руками схватился за столешницу, пальцы затряслись. Потом схватил штаны, начал совать ногу в штанину, никак не мог попасть...

20.

Охваченная тяжёлым мертвящим сном, Аня едва почувствовала, как в левый бок ткнулось что-то мягкое и тяжёленькое, прижалось к ней и стало потихоньку греть. Потом она с трудом расслышала постанывания и всхлипывания. Так плачет проголодавшийся грудной ребенок, тянущийся к маминой груди. Этот кто-то прижимался к ней всем тельцем и как будто искал ласки и еды. От тельца веяло слабым, но глубоким теплом.

– Наверно, это мне так блазнится, – подумалось ей среди тяжёлой полудремы, – но значит, я ещё жива?

Ане захотелось повернуться и понять: кто это? Но тело не слушалось. И вот, надо же! С другого, правого бока тоже прильнуло что-то такое же плотное и упругое и тоже стало потихоньку согревать. До этого она боялась уснуть, боялась, что никогда больше не проснётся. Теперь же, пусть и совсем немножко, но всё же обогретая неизвестными живыми созданиями, она уснула, уже не опасаясь умереть во сне.

21.

Ночью к ней пришел её отец Федор Северьянович Матвеев. Пришел из ночного мрака со стороны моря. Он был без шапки, в линялой гимнастёрке, ветер пошевеливал седые волосы. Шёл к ней и шаркал о лёд каблуками кирзовых сапог. И это гулкое шарканье разносилось далеко над ледяным полем. Он подошёл к дочери совсем близко, и от него повеяло бесконечно близким с детства, бесконечно родным отцовским запахом. В нём было намешано так много памятно-домашнего, что у Ани перехватило дыхание. И аромат дома, и сенокоса, и запахи морских водорослей, и всей деревни, и ароматный дух отцовских густых волос, в которые маленькая Аня любила прятать своё лицо, и многое другое родное, связанное с её детской беззаботной жизнью, когда все были дома, здоровы и не было войны.

Отец опустил на колени совсем рядом с ней прямо на лёд. На груди его висела медаль, а рядом с медалью виднелась дырочка, отчётливо сквозная, через которую Аня видела далёкую маленькую звёздочку, мерцающую на небе за отцовской спиной.

– Почему ты седой, папа? У тебя ведь были такие красивые чёрные волосы.

– Бой был тяжёлый очень. Я в нём поседел. Людей много погибло.

– Зачем ты стоишь на коленях на льду? Ты ведь простудишь ноги!

– Доченька моя, тебе тяжело сейчас, но я с тобой. Я всё время с тобой, ты это знай.

Аня хотела протянуть руку к его лицу, но рука была непомерно тяжела...

– Мне не холодно, мне хорошо с тобой, доченька. Я попрошу, чтобы ты не умерла сейчас. Ты должна жить, чтобы выжили мои сыночки, твои братики, чтобы мама наша поправилась. Ты за меня в семье осталась, всё на тебе... Думаю, меня послушают, я ведь погиб за матушку нашу, за Россию...

Он поклонился своей дочери низко-низко, коснулся лбом льда и слово растворилось в воздухе.

Сквозь мрак ледяного сна услышала Аня, как её зовет к себе родная деревня. Послышался ей перезвон весенних сосулек, свесившихся с летнего ската крыши, теньканье прозрачных капелек, падающих с них. Ей промычала Зорька, любимая семейная корова, которая стоит в хлеву и ждёт не дожждётся прихода настоящего тепла. Поднадоело Зорьке коротать длинную северную зиму в тесном стойле. Аня узнала её призывное мычание.

Горланисто и отчётливо звонко пропели для Ани крикливые свои песни деревенские петухи. Разбудили, наверно, всю деревню. Их голоса ей тоже давно знакомы.

Она услышала лай соседского пса Буянко, своего любимца. Буянко, когда видит Аню, открыто ей радуется, весело взлаивает, растягивает в улыбку свою клыкастую пасть, и несёт ей изгрызенную до невозможности, но всегда одну и ту же палку, требуя, чтобы Аня с ним поиграла. Та игру поддерживает и старается вырвать палку из Буянкковой пасти. Пёс страшно рычит, будто злится на Аню, вертит рыжей своей башкой и делает вид, что хочет палку отнять. Так они играют. Сейчас Буянко очень ждёт Аню. Ждёт и зовёт.

Ждёт её и скворец, который каждый год селится в скворечнике, выструганном отцом и установленном на вершине телеграфного столба прямо напротив их крыльца. Анин отец, взгромоздив скворечник на столб в конце зимы, никак не мог дожждаться, когда же прилетят птицы. Нервничал: к тому прилетели, к этому тоже, а у нас никто не селится.

Однажды утром отец разбудил Аню, крадучись подошёл вместе с ней к окошку и заворожено громко прошептал:

– Гляди-ко, Анютка, гляди!

Прямо на крыше скворечника, выгнув кверху голову, широко раскрыв клюв, растопырив крылья, щебетал дивные песни наконец-то прилетевший скворец. Аня помнит, как они с отцом сидели у окошка, ошеломлённые, восторженные, радостные...

Сейчас до Ани вновь донеслась весенняя, зовущая её домой песня того самого скворца.

Где-то на краю деревни стучит и стучит топор. Это рубит баню вернувшийся домой без ноги Ефим Федотов, сорокалетний деревенский конох. И стукоток этот доносится досюда, до этой холодной льдины.

А на самом морском берегу, на ледяной корке у воды стоят трое: её мама Наталья Александровна и братишки Сашка с Серёжкой. Они пристально всматриваются в морскую даль и кричат в сумрачный, далёкий простор, в голомень что-то родное и нежное. Аня не может разобрать их слова, но она понимает: они зовут её домой.

22.

Капитан «Лены» был опытным моряком. Когда судно на переходе, он никогда не уходил в свою каюту, спал прямо в капитанской рубке. Вот и сейчас второй его помощник был у штурвала и вёл корабль по Белому морю. Курс – Архангельск. А капитан отдыхал на топчане. И тут в капитанскую рубку ворвались двое ошеломлённых людей: четвёртый штурман Михаил Плотников и колхозный бригадир Пётр Зосимов.

– Человека бросили! – заорали они благим матом. – Человек на льду остался!

Капитан давно не просыпался в таком кошмаре. На него тарашились два субъекта. Они стояли перед ним, ещё не проснувшимся, и выкри-

кивали какие-то неслыханные в своей несуразности и невозможности слова.

– Мы человека бросили! Скорее всего, она уже погибла!

Такие слова выкрикивал его помощник Плотников. Капитан сидел на топчане в кальсонах и в белой рубашке. Наконец, сказал:

– Миша, помолчи, прошу тебя. – И Зосимову: – А ты говори.

Зосимов заплетающимся языком, как мог объяснил, что на месте промысла случайно осталась член их бригады Анна Матвеева.

– Как это случайно? Это можно молоток случайно забыть, а тут человек.

– Бросили мы её, бросили, вот и всё! Погибает она там одна, мороз там! Девчонка же! – вопил Плотников.

– Это та Матвеева, которая чай у нас пила?

– Та самая, – орал помощник, – спасти её надо, возвращаться!

– Информация проверена? – спросил капитан, натягивая на кальсоны форменные брюки. – Тут нет никакой ошибки?

– Да какая тут ошибка, человек погибает! Одна на льду, мороз, вы это понимаете? – продолжал кричать четвёртый помощник.

– Витя, стоп машина! – твёрдо сказал капитан старшему помощнику, стоящему у штурвала. – И вызови мне по радиации «Мелехова».

Радиосоветание между капитанами транспортного судна «Лена» и «Капитан Мелехов» состоялось на траверзе поморской деревни Летний Наволок. Было решено «Мелехова» отправить обратно на поиски Анны Матвеевой. С этой целью на борт ледокола был пересажен бригадир зверобоев Пётр Зосимов. А транспорт «Лена» со своим ценным грузом продолжил путь в Архангельск.

Четвёртый штурман «Лены» Михаил Плотников тоже рвался пересесть на «Капитана Мелехова». Его с трудом удержали. И, наклонившись через борт транспорта, он кричал вслед уходящему ледоколу:

– Передайте Ане, что я её жду! Жду я её!

Но ветер, волны и шуршание льда о борта судна заглушали его крик.

А уплывающий обратно отставной сержант, а ныне бригадир Петр Зосимов знал, что нельзя ему возвращаться в деревню без живой Ани Матвеевой, что деревня не простит ему, если с ней случится что-нибудь плохое. Он ведь старший, а это значит, что отвечает за всё.

23.

Медленно вылезавшее из-за моря, из-за дальних льдов солнце, поднявшись над горизонтом, из огромной своей полости вылило жёлто-красную краску на белый ледяной простор, на торосы. Краска эта залила всё бескрайнее синее морское пространство, бесконечно раскинувшееся вдоль побережья. И на схваченной ночным и утренним крепким морозом ледяной поверхности образовались миллиарды хрусталиков. Разбросанные на льду, они выстреливали в воздух, в пространство яркие разноцветные брызги лучиков. И лёд на многие километры был похож на роскошный, тончайшей работы дивный ковёр, усыпанный драгоценными камнями.

Аня открыла глаза. Всё тело было словно деревянным. Невыносимо болели ступни и пальцы ног, страшно ныли колени, стали ледяными ладони. Гортань будто залило свинцом.

Она понимала: её спало то, что она лежала на тюленьей шкуре, которая не пропускает холод, идущий ото льда. Кроме того, по бокам к ней прижались и отдавали ей своё тепло какие-то живые существа. Кто же это?

Аня с большим трудом повернула голову налево и обомлела: к ней прижался и, закрыв глаза, посапывал маленький тюленёнок. Он был совершенно белый. «Значит, возраст его около двух недель», – подумала девушка. Это белёк. Скоро детеныш гренландского тюленя начнёт покрываться серыми пятнами и станет именоваться хохлушей.

А что же присоседилось с другой стороны? Ане тяжело дался поворот головы на правую сторону. Справа, тесно к ней прижавшись, спал богатырским сном другой тюленёнок. Только не совсем белый. Этот уже начал свою перекраску: на его лбу выше глаза серело маленькое пятнышко.

Она поняла, что в крошечной темени они приняли её за свою маму, прильнули к ней и укрылись под её надёжной защитой.

Аня совсем не знала, да и не могла знать, что шкура, на которой она лежала, была шкурой матери этих тюленят – Утельги. И что бельки пришли сюда на запах своей матери.

Она хотела сказать им что-нибудь ласковое, ободряющее, но горло замерзло. И рот, и губы тоже не двигались. Тогда она стала говорить с ними беззвучно, про себя.

– Я теперь буду вашей мамой, дорогие мои дети, – говорила она, глядя полузамерзшими глазами в небо. – Во-первых, спасибо вам за то, что спасли мне жизнь. Во-вторых, как любящая мама, я обязана дать вам имена. Ты, беленький, получишь красивое имя и будешь называться Беляком. – Тут она маленько подумала. – А ты с пятнышком будешь Пятнышком. Согласны? Вижу, что согласны. Вот и хорошо, вот и молодцы.

Аня попробовала пошевелить ногами. Ничего у неё не получилось.

– А теперь, в-третьих, – продолжила она разговор со своими маленькими детками, – вы должны твёрдо знать, что я, ваша мама, никогда не дам вас в обиду. Я же вас люблю, как же я могу допустить, чтобы моих деток кто-то обижал...

Солнце приподнялось над горизонтом и обдало слабеньким, еле различимым теплом. Но уже лёгкое дуновение мартовского северного солнца вызвало испарину схваченной ночным морозом ледяной поверхности, и над белым пространством повис холодный искрящийся туман. Воздух от этого стал ещё более промозглым.

– Знаете, дети мои, чего я хотела бы больше всего на свете? – беззвучно разговаривала с Беляком и Пятнышком Аня. – Я очень хочу, чтобы выздоровела моя мама. Чтобы она играла опять со мной, пела своим замечательным голосом песни, чтобы ходила со мной в лес. А она только слабеет и слабеет. Это меня очень беспокоит.

Из глаз Ани вытекли слёзы, но она их не вытерла со щёк, потому что не смогла поднять одеревеневшие руки. И слёзы хрустальными стеклышками застыли на её ресницах.

Тюленёнок, который был слева, зашевелился, и Аня с трудом повернула голову на своего Беляка. Тот лежал, держа мордочку у неё подмышкой и глядел на её лицо немигающими чёрными глазами, похожими на чёрные масла.

– Ну вот, сыночек мой Беляк, ты проснулся и слушаешь мамин рассказ. Наверно, Пятнышко тоже не спит. Тогда не перебивайте меня и сидите тихо. А я буду с вами разговаривать... Ещё я хочу, чтобы поскорее подросли мои братья. Они совсем меня не слушают, даже маму нашу слушают не всегда. Нам с ними трудно справляться. Уж скорее бы они стали серьёзными.

Аня попробовала пошевелить пальцами рук. И не поняла, получилось у неё это или нет, потому что пальцев она не чувствовала. В её ладонях, как и в ступнях ног, стояла неизбежно тяжелая боль.

– Серьезно ли относится ко мне Михаил Плотников? Не шалапут ли он какой-нибудь, не бабник ли? Я так боюсь в нём ошибиться... Нравлюсь ли я ему? Или это всё шуточки для него. В фуражечку вырядился, видите ли... А он мне нравится, даже очень.

Дети её, Беляк и Пятнышко, ворочались с двух сторон, прижимались к ней, хлопали своими чёрными глазками и что-то там попискивали, словно щенята рядом со своей мамкой.

Совсем закоченевшая Аня Матвеева не сомневалась, что люди к ней вернуться, что её найдут. Ещё ей хотелось, чтобы за ней пришёл четвёртый помощник капитана Михаил Плотников. В своей фуражечке.

Она с трудом сдерживала смыкающиеся веки, но ей нельзя было спать, это она хорошо понимала.

Мысли вдруг ушли к Тому, Кого всё чаще и чаще вспоминала её мама. Она обращалась к нему обычно по ночам, когда все спали и шёпотом называла Его то Господи, то Боженька. Мать упрашивала пожалеть её доченьку и её сыночков. Просила, чтобы вернулся с войны муж, хотя на него пришла уже похоронка. «Но Ты верни его мне, верни, Господи, ведь я люблю его очень. Не нагляделась я на него, не надышалась. Хоть и прожили с ним изрядно, а всё как один день. Не хватило мне... Да и семье-то как без отца, без кормильца? Не выжить ведь нам без него».

Ещё мама просила продлить ей хоть ненадолго жизнь. «Знаю я, – шептала она в ночную тишину, – что умру я скоро, лихоманка у меня немилосердная, съела меня совсем, но Ты, Боженька, продли хоть на годик-другой денёчки мои. Надо мне ребятишек своих поднять. Малы ведь совсем да глупы. Не в приют же их отдавать. А Анечке моей надо учиться. Она умница у меня, в школе успевает на «отлично». Но ведь избилась она совсем в трудах немилосердных. Девчонка еще малая, подросток, а работает больше всех. Не надорваться бы ей... Помогите нам, Господи, помогите и помилуйте».

И мама тихо плакала в подушку.

Аня тоже плакала. Ей было нестерпимо жалко маму.

Сейчас, первый раз в своей жизни она тоже стала думать о Боге. «Я тебя совсем не знаю, Боженька, и не могу разобраться точно, есть Ты или нет на белом свете? Я ведь комсомолка, а наш комсомол не верит в Тебя. Но в Тебя верит моя мама, а ей я доверяю больше всех на свете».

Потом она подумала и белыми беззвучными губами сказала Богу со всей решимостью:

– Теперь я тоже буду жить с верой в Тебя, как моя мама. Так мне легче будет, я это точно знаю.

Аня попробовала пошевелиться. Движения не получилось. Тело совсем не слушалось. Только с боков её подталкивали, пошевеливали её два живых существа – Беяк и Пятнышко.

«Я прошу Тебя, Боженька, выручи меня, помоги мне. Мне совсем не хочется умирать. Рано ведь ещё. Я в жизни ничего не видела... Пусть за мной придут».

Силы совсем оставили её. Она потеряла сознание.

25.

Было десять часов восемнадцать минут утра. Стояло 15 марта 1945 года. Ледокол «Капитан Мелехов» причалил к ледовой кромке как раз в том месте, откуда вчера отходило транспортное судно «Лена». Бригадир зверобойной команды Пётр Зосимов сам выбросил за борт и закрепил деревянный слип. Он буквально сбегал с трапа и быстрым шагом впережку с трусцой посеменял туда, куда вчера ушла отправленная им Анна Матвеева. За ним поспевал один из матросов ледокола Шостак, выделенный ему в помощь боцманом.

Зосимов торопился и изнывал от своей малой скорости. Но быстрее двигаться он не мог – мешала одышка. Дышать полной грудью не давало пробитое осколком лёгкое. Он страшно клял себя: как же, как же потерял он Аню? Не доглядел, вернулась ли она, зашла ли на борт? Сам послал, а не проверил, пришёл ли человек обратно? Конечно, оправдание имеется: спешка, погрузка, суета, простуда эта... А он главный. За всем и за всеми разве уследишь? Заботушки в такие минуты много... Но ведь сам же отправил девчонку! Сам! И фактически оставил её одну. Считаю, что бросил.

И, когда шли на ледоколе, и сейчас его терзала, разворачивала ему душу одна зловередная мысль: что бы сказал ему в эту вот минуту Фёдор Матвеев, мастеровой мужик, уважаемый в колхозе человек, который ещё в предвоенные годы учил его рыбодобыче и зверобойке, а сейчас

лежит где-то в карельской земле? Отец Анны. Ничего хорошего он не сказал бы, а может быть, и рожу ему набил. И правильно бы сделал.

...Аня лежала на тюленьей шкуре неподвижная, с мертвенно белым лицом и, показалось Зосимову, бездыханная. Он рванулся к ней, прильнул к лицу, ко рту: дышит или нет? Нет, дыхания не слышно. Не дышит! Сердце тоже молчало. Эх, ты, беда! Он понимал, он знал, что у умирающего на морозе человека дыхание как бы замирает, его трудно обнаружить, даже, если человек ещё дышит. И тогда он склонился перед её лицом на колени и сбоку уставился на едва открытый рот. Должен быть парок, если человек дышит.

Ничего не видно.

Зосимов замер, распахнул широко глаза, вгляделся в белые губы, в тёплую извилинку между ними... Ему показалось, что в какое-то мгновение между Аниных губ промелькнула полупрозрачная, тоненькая, невесомая полоска морозного пара.

Может, и показалось, но в ожесточённо стучащем от волнения сердце его родилась крохотная нотка надежды, родилась и подала свой слабенький, но радостный голосочек. Она зазвучала, эта нотка.

Зосимов скинул рукавицы, стал тёплыми ладонями растирать лицо Ани, её руки, ноги, тело.

– Жива, ты, Аня, жива! Теперь не умрёшь! Мы тебя выправим! Оживай, девочка, оживай! Ишь, помирать удумала! Рано тебе помирать! Ты сперва внучат нарожай Фёдору...

Он не говорил, а кричал. Наверно, подспудно ему казалось, что его крик может разбудить Анну Матвееву, отринуть от навалившегося непомерно тяжёлого сна. Он чего-то ещё выговаривал, пока его умоляющий вопль не разбил болезненные препоны, загородившие её от живого мира, пока она в самом деле не услышала его спасительный крик и не открыла с трудом веки. Только после этого обессиленный Зосимов перевалился набок и зашёлся в судорожном кашле. Из рта выплескивались маленькие капельки крови.

– Ничего, – хрипел он, – это лёгкое хандрит, едри его корень, пройдёт оно, ничего.

Только теперь разглядел он, что его каблук на сапоге пытается в клочья разорвать белый маленький тюленёнок. Справиться с каблуком у него не хватало силёнок, но он урчал, посвистывал и крепко с ним воевал.

– Ну, ты, брат, даёшь, – сказал бригадир, отгаливающая тюленёнка другой ногой, – чем же я тебе насолил?

Со вторым тюленёнком, что был на другой стороне от лежащей на льду Ани, воевал матрос Шостак. Белоснежный малыш нападал на него и старался цапнуть за ногу.

– Эх, жалко, я багра не взял, – возмущался тот, сейчас бы тюкнул, да и всё.

– Не трогай их, – прохрипел ему Зосимов, – видишь, они нашу девочку обороняют. Они, наверно, спали рядом с ней, за мамку приняли. А тут мы пришлёпали. Вот они и гонят нас от своей мамки.

– Такие клопы, а туда же, нападать, – возмущался и весело шумел Шостак, кое-как всё же отодвинул тюленят в сторонку. Те сидели теперь в трёх метрах от людей, помаргивали чёрными круглыми глазками, хоркали и посвистывали. Наверно, они возмущались человеческим нашествием на их обжитую территорию.

Аня лежала, открыв глаза, и молчала. Теперь её оттирал Шостак. Наконец, она тяжело-тяжело повернула голову к Петру Зосимову и едва различимо ему улыбнулась.

– Ну, всё, – расплылся в радости бригадир, – стала улыбаться – теперь не помрёт. Давай, матрос, понесём её на судно.

Они ушли и унесли на руках Аню. А её сыночки Беляк и Пятнышко сидели рядышком и глядели вслед.

И эта мама от них ушла.

Аня пролежала в больнице долго – целый месяц. С трудом восстанавливались обмороженное лицо, руки, ноги, тяжело зализывалось сильнейшее двухстороннее воспаление лёгких. Но какую хворь не одолеет юный крепкий организм? И вот она, с перевязанными руками и ногами, уже выходит из палаты, прохаживается по больничным коридорам. Её тут все знают, все именуют ласково – Анечкой. Все хотят с ней поговорить, познакомиться.

В крепких её снах возникают картины страшной той ночи. И в укутанные бинтами её ноги ложатся два белых ангелочка с чёрными глазами, её сыночки Беяк и Пятнышко. Они снова прижимаются к ней тёплыми бочками, от этого и ногам, и телу становится тепло-тепло. Аня знает, что ангелочков этих послал ей Тот, к Кому она обращалась за помощью, к Кому обращался и её отец. Она знает, что помощь Его спасла её.

Обмороженные кисти рук спасли от ампутации тёплые варежки, подаренные четвёртым помощником капитана транспортного судна «Лена» Михаилом Плотниковым. Об этом ей сказали врачи. Уже три раза прибегал к ней в больницу и он сам. У судна «Лена», как и у любого, задействованного в каботажных перевозках, короткие рейсы: снабжение поморских деревень и воинских частей всем необходимым, доставка и выброска геологических партий, перевозка грузов и специалистов на Новую Землю и другие точки Белого и Баренцева морей, да мало ли чего ещё потребуют нужды народного хозяйства. А возвращение – всегда в родной город, в порт приписки Архангельск. Этого возвращения Михаил с некоторых пор ждёт особенно...

Когда он встречает Аню Матвееву, у всех возникает ощущение, что не может Михаил надышаться самим её присутствием. И люди радуются его приходу потому, что этот парень всегда приносит с собой праздник любви.

Аня тоже его очень ждёт.

День выписки из больницы счастливо совпал с приходом «Лены» в родной порт. Плотников ворвался в больницу с букетом гвоздик, возбуждённый и счастливый. Аня ждала его в вестибюле. Потом они долго, до самой ночи просидели у маминой тёти, Павлы Андреевны, живущей в Соломбале, говорили-говорили и не могли наговориться.

Мише нельзя было опаздывать на вахту, и он умчался на судно. Аня на другое утро уехала в свою деревню. Перед тем, как расстаться, они обещали писать друг другу письма. И обещание своё сдержали. И подружились крепко-крепко.... На всю жизнь.